

КАРЛ КАНТОР

ТРИНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ

Карл Кантор

Тринадцатый апостол

«Прогресс-Традиция»

Кантор К. М.

Тринадцатый апостол / К. М. Кантор — «Прогресс-Традиция»,

Карл Кантор – известный философ, социолог, культуролог, эстетик, зарекомендовавший себя с давних лет как знаток жизни и творчества Владимира Маяковского. Продолжая исследование трагической судьбы поэтического гения, автор предлагает новаторский, фактологически оснащенный, не только эстетический, но и теологический и историософский анализ личности и жертвенного служения истине величайшего лирика и эпика, панегириста и сатирика XX столетия. Автор книги впервые раскрывает неметафоричность самосознания и самочувствия Маяковского как тринадцатого апостола, его органическое освоение и претворение в собственном творчестве поучений ветхозаветных пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля и заповедей Иисуса Христа. Русский поэт предстает в книге как наследник христианских светочей Ренессанса – Данте, Рабле, Микеланджело, Шекспира, Сервантеса. И одновременно – как продолжатель русского фольклора и традиций русской художественной литературы. Автор выясняет духовную близость творческих исканий и обретений трех гигантов русской поэзии – Пушкина, Лермонтова и Маяковского. Владимир Владимирович показан в книге в его творческом самоизменении – от футуризма до толстовской кульминации критического реализма, противостоящего идеологизированному «социалистическому реализму». Колумб новых поэтических Америк, оклеветанный как антикоммунист официальной критикой, был и остался в поэзии единственным хранителем идеалов Христа и Маркса. Читатель узнает из книги, чем на самом деле была Лениниана Маяковского и каков был его неравноправный диалог с партией и государством. Певец Октября очень скоро стал провозвестником третьей, послеоктябрьской революции – революции духа.

© Кантор К. М.
© Прогресс-Традиция

Содержание

От автора	7
Предупреждение	11
Почему Маяковский	14
Вступление первое	14
Вступление второе	22
Раздел первый	25
Часть первая	25
Параграф первый	26
Параграф второй	28
Параграф третий	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Карл Моисеевич Кантор

Тринадцатый апостол

Посвящаю памяти моей сестры

ЛИЛИ ГЕРРЕРО (Елизаветы Бондаревой)

От автора

Я прожил жизнь под звездой Маяковского. Моя сестра – Лиля Герреро – передала мне, восьмилетнему мальчику, эстафету любви к этому гиганту. Сколько раз из десятилетия в десятилетие я пытался написать о нем, о моей любви к нему.

Не писал, говорил себе: погоди, ты еще не готов, напишешь не так и не то. Дальше откладывать некуда. Мне 84. Семьдесят шесть лет я жил с ним неразлучно. Мои ближайшие друзья – Николай Евдокимов, Григорий Чухрай, Александр Зиновьев и мои сыновья Владимир и Максим и жена Таня разделяли мою любовь к Маяковскому. Тане я обязан больше, чем кому бы то ни было. Татьяна Сергеевна была ботаником, генетиком, селекционером. Именно от нее я впервые узнал, что такое ген, генотип, генетическая наследственность. Чтобы понимать, что она делает, я читал книги по генетике. Я наблюдал за ее работой на кафедре генетики в МГУ, в комнате, в которой жужжали, шумели тысячи маленьких мушек – дрозофил. В это время я учился в другом крыле того же здания на Моховой, на философском факультете, потом, как лодочник, помогал ей в опылении речных цветов на Оке в Институте генетики и селекции АН СССР, затем вторгнулся в Главный ботанический сад АН СССР, где работала Таня, и, наконец, я наблюдал исследования в том подмосковном Институте земледелия и садоводства, где Таня вывела с помощью химомутагенеза два новых ягодных вида – земклунику и сморжовник. Я обязан Тане мыслью об историсософии проектирования, идеи которой прозвучали и в этой книге о Маяковском.

В московской 213-й школе я, Гэзгорий Чухрай и Евгений Гужов, встречаясь, приветствовали друг друга кличем ДЖВМ – Да живет Владимир Маяковский! В армии я читал Маяковского на земле и в полетах. Я объяснялся в любви стихами Маяковского. Со сцены клуба Московского университета я продолжал читать Маяковского. Шел 1949 год. Меня собирались исключить из партии и МГУ как «эстетствующего космополита». Дальше мог последовать арест, потом лагерь, если не хуже. Не исключили. Секретарь парткома университета Про-

кофьев (позже стал Министром просвещения СССР) заявил: «Человек, который так читает Маяковского, не может быть космополитом».

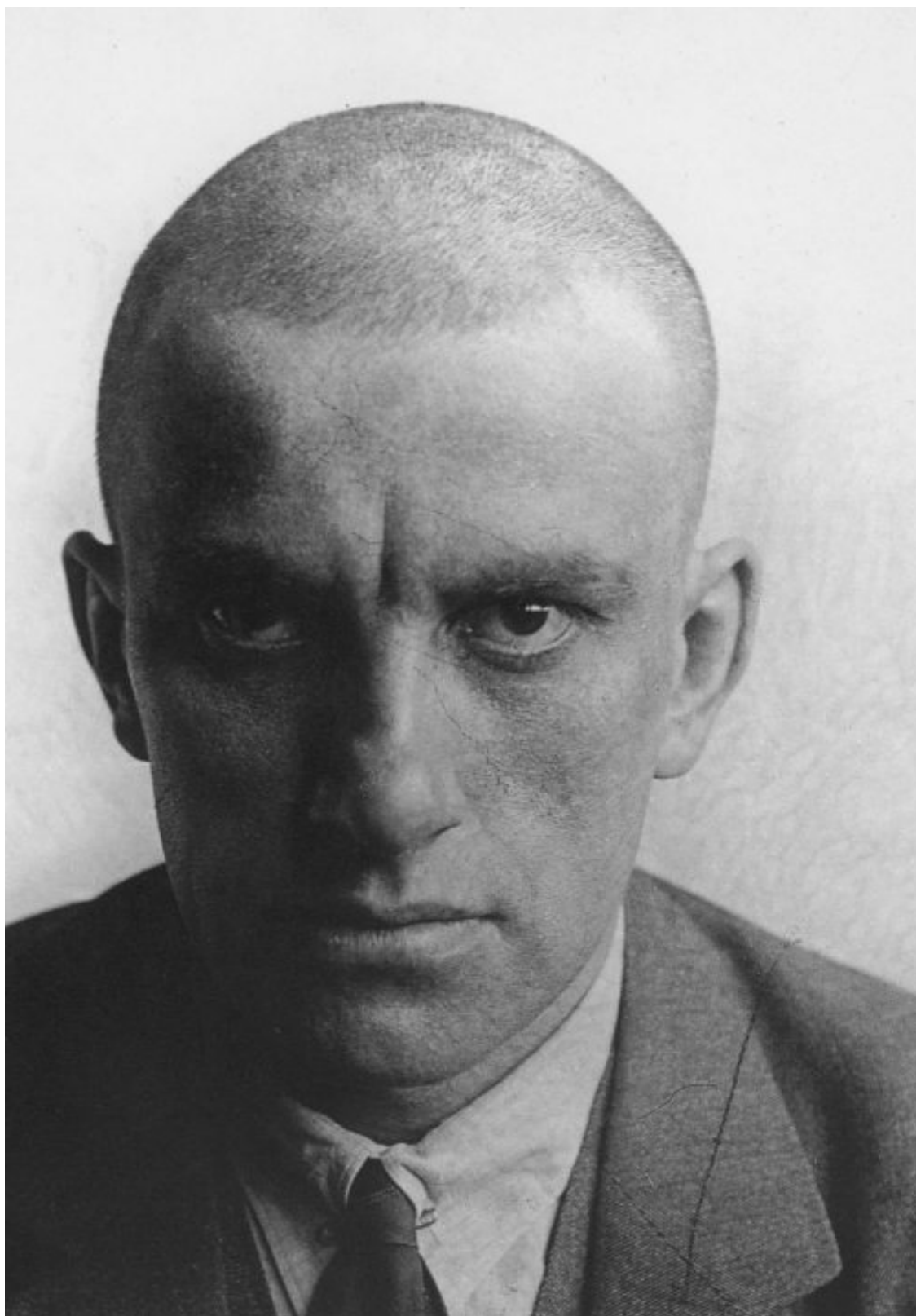
Кто теперь не знает слово «дизайн». В русский обиход не только слово, но и теорию, и историю дизайна, и первые организации дизайна (технической эстетики, художественного проектирования) ввел я, опираясь на теорию и практику «производственного искусства» Владимира Маяковского. Ему же я обязан идеей историософии проектизма и пониманием внутреннего созвучия учений Христа и Маркса.

Я признателен своему старшему сыну, курировавшему «появление книги на свет», – сыну, которому задолго до рождения я и Татьяна Сергеевна решили дать имя Владимир – в честь Маяковского.

Душевную благодарность я выражаю Елене Николаевне Самойловой. Ее вклад в книгу безмерен.

Предупреждение

В книге «Тринадцатый апостол» я использую категориальный аппарат своей монографии «Двойная спираль истории»¹. По этой причине согласие или несогласие с трактовкой творчества и судьбы В.В. Маяковского предполагает знание идей монографии. Но так как это требование чрезмерно, я вынужден ограничиться всего лишь несколькими разъяснениями. Я различаю историю, начало которой положила Библия. История – процесс филиации человеческих идей. А то, что обычно принято называть историей, я называю социокультурной эволюцией, которая началась задолго до истории (скорее всего, с момента зарождения рода *homo sapiens*) и завершится много позже того времени, когда история достигнет своей цели. Социокультурная эволюция проходит ряд параллельных и лишь частично совпадающих этапов: дикость, варварство, цивилизацию; и – первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный и капиталистический. История и социокультурная эволюция – процессы взаимосвязанные, пронизывающие друг друга, оплетающие человеческое существование двойной спиралью материально-телесных, душевно-нравственных и духовных движений. При этом история и социокультурная эволюция изменяются не синхронно. История может обогнать социокультурную эволюцию (как это произошло в России после Октября 1917 г.), но может и отстать (как в передовых странах Западной Европы и США). Однако именно взаимосвязь истории и социокультурной эволюции придает тотальность человеческому существованию. История, как и социокультурная эволюция, каждая в свой срок, возвращается к пройденным этапам движения. В этом сложном четырехстороннем взаимодействии двух спиралей совершается движение континентов, стран, народов, рас, этносов, наций и индивидов. Возникает почти непреодолимое представление о том, что единой человеческой истории просто не существует, тогда как дуспиральность, как почти неуследимая закономерность человеческого бытия, дает основание утверждать, что существует единая мировая история и единая социокультурная эволюция и что их устройство подобно федеративному устройству крупных демократических государств или их союзов (ЕС), где мерилем историчности и социокультурной укорененности человека является своеобразие отдельного индивида. Со времени возникновения истории вовлеченный в нее индивид совмещает в себе два полюса человеческого бытия, так что его душа и дух могут располагаться в плазме истории, а его социокультурная ипостась пребывать в муравейнике социокультурной эволюции. Говоря языком Менделя и Моргана, история – фактор изменчивости, социокультурная эволюция – фактор наследственности. В силу этого даже двигатель истории не может освободиться полностью от засасывающего его планктона социокультуры.

Исходный пункт истории – Иисус Христос. Он есть парадигма всех возможных акциденций (они же ступени разворачивающейся парадигмы). Я различаю три: религиозную, эстетическую, сциентическую. Каждая из них несет в себе всю полноту парадигмы всемирной истории. В первой, религиозной, акциденции уже содержится и эстетическая, и сциентическая.

Учение Бога Отца и Иисуса Христа выражает себя в учениях своих пророков, в писаниях и деятельности своих апостолов. Тот, кто не принял учение Христа и апостолов, тем самым отверг историю. А кто остановился на религиозной акциденции, затормозил поступательное движение истории и тоже фактически выпал из истории. Эстетическая имеет своих пророков и апостолов – Данте, Микеланджело, Рабле, Шекспира, Гёте, Бальзака, Достоевского, Толстого. А сциентистско-гуманитарный этап парадигмы истории представлен двумя апостолами: Марком и Энгельсом. В естествознании – Дарвином, Эйнштейном, Бором, Гайзенбергом, Винером, Фрейдом. Внутреннее чувство истории Маркса и Энгельса проявилось в том, что они осознали свою связь с Иисусом Христом, с заповедями Его Нагорной проповеди и с десяти-словием Моисея.

Наследник Маркса и Энгельса, Ленин оказался глух к основной религиозной акциденции парадигмы истории. В России только поэт Владимир Маяковский принял всю историю цели-

¹ Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1. М., 2002.

ком – показал внутреннюю связь учений Христа и Маркса. Но уровень социального, промышленного и общекультурного развития России столь резко отставал от достигнутого в Западной Европе, что социокультурная эволюция России поглотила историю, которая именно здесь вырвалась на простор.

Маяковский назвал себя тринадцатым апостолом Христа и был таковым. Миссия тринадцатого апостола состояла в том, чтобы провести линию преемственности от Христа к Марксу через Ренессанс. Он это сделал. И на этом поставил точку в своем апостольстве.

Почему Маяковский

Вступление первое

У Иисуса Христа было двенадцать апостолов. Некоторых Спаситель Сам отобрал, а некоторые к нему пристали по доброй воле. Один из них – Иуда Искарот – предал Учителя за тридцать сребреников, после чего повесился. Следовало подобрать ему замену. Из двух кандидатов был избран ничем не примечательный Матфий. Д. Штраус писал: «Тот факт, что Иисус круг ближайших учеников своих ограничил цифрой двенадцать, без сомнения, показывает, что, создавая план преобразований, Он прежде всего думал об израильском народе, но отсюда нельзя заключать о том, что им одним Он думал ограничиться впоследствии»². Многие из двенадцати апостолов ничем особенным себя не проявили и пребывали в неизвестности. Среди двенадцати первое место занимал Симон, коему Иисус дал прозвище «Кифа – Петр», т. е. «Камень». Как замечает Штраус, именоваться человеком-камнем не приличествует человеку, который подобно Симону обладал пылким, но не твердым характером. Тем не менее на Петре, как на камне, Иисус основал свою Церковь.

Иисус проповедовал устно и никаких письменных свидетельств о себе не оставил. Да и все двенадцать были неграмотными. Книги Евангелий написали, со слов апостолов, их ученики. Известно, например, что спутник апостола Павла Лука написал в Коринфе Евангелие. Луке же принадлежит книга «Деяния апостолов». Как полагает тот же Штраус, Иисуса не понимали даже ближайшие Его ученики, включая Его любимца Иоанна, чей Апокалипсис противоречит взглядам Христа. Штраус утверждает: «То значение, которое впоследствии обрел Павел, показывает, что среди ближайших учеников Иисуса не было ни настоящего представителя его учения, ни человека, которому было бы по силам развивать идеи Учителя далее, в соответствии с изменившимися условиями времени»³. Единственным грамотным, знающим Священное Писание и самостоятельно мыслящим был ремесленник, фарисей, гражданин Рима – апостол Павел. Он лучше двенадцати понимал учение Иисуса, больше других сделал для распространения Его учения, но и более двенадцати отступал от многих заповедей Учителя. И это породило самобытное течение в христианстве – «павликианство». Сам Иисус полагал, что со временем, пусть весьма отдаленным, появятся новые Его апостолы, которые приведут Его учение в согласие с новыми обстоятельствами времени и места. Таким новым апостолом, через двадцать столетий после распятия Христа в Римской империи, в конце XIX в. в России, которая созначала себя Третьим Римом, стал поэт Владимир Маяковский. Возникла потребность согласовать веровательные прогностические характеристики революционного и коммунистического учения Христа с революционным и коммунистическим учением Маркса.

Многие поэты, писатели, художники, философы, ученые как в России, так и в Европе и в Новом Свете хотели выступить в роли новых апостолов и даже пытались отождествить себя с Распятием. Но никто не сделал того, что сделал русский поэт. Никто не «опускался» до черновой апостольской практики. Исключением является милосерднейшая албанская монахиня мать Тереза, посвятившая свою жизнь помощи чадам Индии и при этом публично заявлявшая о почти полном тождестве Нагорной проповеди и «Манифеста коммунистической партии». Был еще аргентинский католический священник Элиас Кастельнуово, написавший книгу «Jesucristo – montonero de judea» («Иисус Христос – иудейский повстанец» – Buenos Aires, 1971). Сей священник утверждал, что война бедняков против богатых (он так и пишет «война»,

² Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. С. 226.

³ Там же. С. 230.

а не «борьба» – «la guegga», а не «la lucha»), какая велась во времена Иисуса, «эквивалентна» борьбе классов (пролетариата и буржуазии) в доктрине Маркса. Но, конечно, ни мать Тереза, ни священник из Буэнос-Айреса не были апостолами. Из существовавших в Иудее религиозных партий большинство людей знают тех, кого сам Иисус называл своими противниками, – саддукеев, фарисеев, книжников, – им он грозил геенной огненной. Знают еще о zelotah, которых возглавлял «бандит» Варавва (Barabbas по-испански), тот самый, которого чернь иудейская предпочла Христу.

Маяковский жаловался иконописной Богоматери:

Видишь – опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Варавву? (1: 190)⁴

Однако библеисты XX в. «реабилитировали» фарисеев и посчитали, что сам Христос принадлежал к одной из пяти-семи школ фарисеизма. Какие-то из них он осуждал, а какие-то принимал. По-своему трактовали фарисеи отношение Единого Бога к каждому отдельному человеку: «Отец Бог заботится о тебе. Он беспокоится о тебе. Он защищает тебя. Он любит тебя...»⁵ Так думал и Иисус. Но Искупителю чуждо было фарисейское ласкательство богатых и увещевание рабов, бедняков служить своим господам безропотно. Так можно ли все-таки сказать, к какой религиозной партии принадлежал Иисус? Сын Божий, строго говоря, не нуждался в партиях. Но, оказывается, Он не был одиночкой. Иисус, скорее всего, принадлежал не к фарисеям, несмотря на близость Его взглядов взглядам некоторых их школ, не состоявших на жалованье у церкви, не запятнавших себя политикой. Он принадлежал к громадному коммунистическому братству эссеев. С детства он воспитывался в нем. Унаследовав профессию своего земного отца, он плотничал. Вступив в братство эссеев, он продолжал работать плотником. Он был рабочим до 30 лет, когда он оставил плотничье дело и целиком посвятил себя исполнению заветов Отца Небесного. Пребывание среди эссеев не прошло для Него даром. В этом братстве не было ни рабов, ни господ, все работали – каждый делал то, что умел и что нужно было для других. Все эссеи были равны перед Богом и перед людьми. Они не признавали никакого государства – ни римского Цезаря, ни иудейского Царя. Они были (употребляя современную терминологию) анархистами, или, точнее, анархистами-коммунистами. «Чувство свободы у Христа, – пишет Кастельнуово, – было абсолютным». Эссеи не признавали частной собственности даже на одежду. Все эссеи были неграмотными, не умели ни писать, ни читать, но они не были невеждами, ибо всю жизнь впитывали в себя обширнейшие знания и глубочайшую мудрость Библии благодаря единицам в их среде, овладевшим искусством чтения настолько, что все собратья могли постигать мудрость Священного Писания. Кроме апостола Павла, все другие – все двенадцать – были неграмотны, но и они были не менее мудры, чем, скажем, софисты времен Платона. Мудрость древнегреческих софистов была мудростью рациональной, а мудрость апостолов, как до них ветхозаветных пророков, была мудростью веры, мудростью иррациональной, превышающей мудрость науки. Владимира Маяковского, уступавшего, скажем, Борису Пастернаку в обширности знаний мировой культуры (но не невежественного, как утверждают иные), можно было бы назвать самозванцем, если бы не унаследованная им мудрость веры, той самой, о которой Соломон говорит в своих притчах, что Господь имел Мудрость началом пути своего, прежде созданий своих, искони. Сама Премудрость молвит: «...от века я помазана, от начала, прежде бытия земли... тогда я была при Нем художницею.»⁶

⁴ Здесь и далее цит. по изд.: Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955–1961.

⁵ Павликовский Дж. Иисус и теология Израиля. М., 1999. С. 78.

⁶ Прит 8: 22–30 (здесь и далее цит. по: Библия в 2 т. Л.: Духовное просвещение, 1990).

Кроме первого «если», есть и второе – *если* бы не подчинение своего поэтического творчества апостольской миссии. Поэт сам сказал об этом:

И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирал,
становясь
на горло
собственной песне.

«Агитпроп», если перевести это слово в теологический контекст, есть не что иное, как агитация и пропаганда нового христианского (для Маяковского почти = марксовскому) образа жизни. В этом и заключалось апостольство

Маяковского. Об исполнении своей апостольской миссии он просил не забывать идеальных юношей чаемого будущего:

Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевики
шершавым языком плаката. (10: 280–284)

Многие наряду с Маяковским пытались создать в слове, в красках образ Христа и его апостолов. Иной раз сами пытались выступить в роли апостолов или даже отождествляли себя с Христом. Но дальше деклараций их христолобие не шло. Оно не было подтверждено жертвенным служением людям на практическом, повседневном житейском уровне. Никто из них не стал новым апостолом еще и по другой причине. Все они отвергали учение Маркса, тогда как Маяковский – и только он среди поэтов – выполнял наставление Спасителя приводить Его заповеди в соответствие с новыми обстоятельствами и условиями времени и места. Маяковский создал сплав двух величайших революционно-коммунистических доктрин – Назорея и Трирца. Поэтому из всех претендентов только Маяковский стал истинным апостолом. Именно это придало поэзии Маяковского всепроникающую библейскую силу.

Кастельнуово, опираясь на кумранские пергаменты эссеев, утверждает, что Иисус выступал не только против иудейских богачей, но и против тех, кто мирился с римским владычеством. Иисус намеревался во главе своих апостолов, подняв восстание в Иудее, пойти на Рим и, соединившись с восставшими рабами, свергнуть владычество Римской империи, добиться независимости и свободы римской колонии – Иудеи – и преобразовать ее на принципах содружества эссеев. Если невежественные евреи предпочли Иисусу Варавву, то только потому, что Иисус не успел раскрыть перед иудейским многолюдством свои повстанческие цели, и потому, что Варавва, грабя иудейских богачей, отдавал их добро еврейским беднякам. Варавва был

своего рода Робинот Гудом еврейского народа. Беднота Иудеи не хотела терпеть колониальный гнет и гнет своих богачей, своего высшего священства – синедриона, охранявшего свои привилегии ценой ограбления собственного народа на службе Риму. Если одуроченной темной толпе были неизвестны антиримские настроения и намерения Иисуса и Его апостолов, то многие саддукеи, фарисеи, синедрион, царедворцы догадывались или знали, кем на самом деле является Христос и его ученики, каковы намерения и цели Иисуса. Тут разворачивалась настоящая классовая и национально-освободительная война. Благороднейших, честных, правдивых, милосердных людей – апостолов Христа – еврейские богачи и обманутые и запуганные ими еврейские обыватели считали бандитами, грабителями, ворами. А разве русское просто-народье при царизме не считало революционеров бандитами и грабителями? Это ведь беспримысленный способ расправы со своими праведными противниками – обогав их.

Возвращаясь к деятельности двенадцати и апостола Павла, следует сказать, что без них новая религия не вытеснила бы идолопоклонство, осквернявшее себя кровавыми человеческими жертвоприношениями. Апостолов преследовали и власти, и уличная чернь. Их изгоняли из домов и городов, куда они приходили со своей проповедью, над ними издевались, их заключали в тюрьмы, а иных и убивали. Иисус заповедовал апостолам «ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд»⁷. По Матфею, Христос посылал апостола Петра к погибшим овцам дома Израилева, надеясь всех евреев обратить в христианство, в сторонников коммунистического братства. Иисус дал апостолам власть изгонять нечистых духов, врачевать всякую болезнь и всякую немощь, прокаженных очищать, мертвых воскрешать, бесов изгонять. Христос поучал апостолов при входе в дом приветствовать людей словами: «Мир дому сему». «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших...»⁸ В революционной песне русских пролетариев не забывали наставления Спасителя и пели:

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!

Парафразой пророка Исаии, предрекавшего разрушение старого мира и создание нового, звучат слова «Интернационала»:

Весь мир насилия мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Христос наставлял апостолов: «Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»⁹. Массы языческие всех племен были действительно волками по отношению к проповедникам Христова учения. Чтобы удержаться среди язычников, им ничего другого не оставалось, как стать мудрыми, как змеи, и простыми, как голуби. И они стали такими. Несмотря на сопротивление, апостолы многое сделали, чтобы истребить укorenившиеся языческие суеверия. Апостолы учредили церкви во множестве городов Римской империи и заботились об их благонравии. Иисус уже сидел одесную Отца Своего Небесного, когда заметил среди гонителей христианства, предававших христиан на муки, гражданина

⁷ Мк 6: 8–9.

⁸ Мф 10: 12–14.

⁹ Мф 10: 16.

Рима фарисея Савла и, разглядев в нем благие задатки, обратил его в своего последователя – апостола Павла, сблизившегося с двенадцатью, особенно с Петром, но не ставшего тринадцатым, чтоб не нарушить означенное самим Иисусом соответствие числа апостолов числу колен Израилевых. Апостол Павел проповедовал среди язычников. То, что сотворили Христос и его апостолы, включая, разумеется, умнейшего Павла, не назовешь иначе, как революцией, заложившей духовный фундамент западноевропейской цивилизации, а затем и всего круга христианских земель. В этот круг одна за другой вошли вслед за Европой Северная и Южная Америка, часть Африки, часть Среднего Востока, Армения, Грузия и ненадолго ряд горских племен Северного Кавказа. Чуть не целое тысячелетие после разгрома Рима хранительницей христианства стала Восточная Римская империя (Византия). А из Византии при церковно-языковом и церковно-литературном посредничестве Болгарии православная «цезарепапистская» конфессия христианства стала господствующей в Киевской Руси, а потом в Великой Руси (Московии) и, наконец, во всей обширнейшей Российской империи. За два тысячелетия в церквях мирового христианства и за тысячелетие в церкви русского православия произошли благие и пагубные изменения. Русская православная церковь, христианская этика мирян благотворно повлияли на языческое сознание всех слоев населения, но не преодолели вполне язычества, страха перед неведом откуда наступающими inferнальными силами, ужаса близкого и неотвратимого конца света. Сама церковь за последние два столетия, как только в Россию проник с Запада капитализм (да и самозародился отечественный), паганизировалась, а вместе с тем ее разъедало корыстолюбие, мздоимство и иные грехи. Церковь морально оскоромила, стала утрачивать доверие паствы.

Два явления одновременно окрасили конец XIX – начало XX в.: «ренессанс» православного богословия с христианизующей поэзией Серебряного века в обогащающемся и нравственно разлагающемся обществе и (второе) бунтарское, предреволюционное настроение «верхов» и «низов». Среди радикальных противников царского, а затем и царско-думского режима выделялись своей непримиримостью сторонники немецких мыслителей Маркса и Энгельса – большевики. Но кроме организованных оппозиционных партий и групп существовала многомиллионная неорганизованная гольтьба, обозленная, но трусливая, не знающая толком, на кого обрушить свой гнев.

Обращение к Христу, к образу Христа стало, как я уже заметил выше, общим местом западноевропейской и русской живописи и литературы. Церковное христианство, увы, стало модной данью художественному символизму. Живописный и литературный образ Христа в годы Первой мировой войны, в последние предреволюционные годы появился не как действенная фигура Спасителя, а как знак эстетического избранничества. Для того чтобы выступить с проповедью истины против тех, кто предпочитал тьму свету, надобно было мужество, стойкость, терпение, милосердие и жертвенность. Такими были двенадцать апостолов, таким стал апостол Павел. И таким же – апостол Владимир.

Что касается Александра Блока, то он поверил евреям Иудеи, оклеветавшим апостолов Христа, и такими изобразил их в своей поэме «Двенадцать» – грабителями, гуляками, убийцами и революционерами (?), а Христа – их предводителем.

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтьба!
Что, Катька, рада? – Ни гу-гу...
.....
Лежи ты, падаль, на снегу!..

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Но ведь и такие «апостолы» приставали к революции, а после Октября кто-то из них вошел во власть, в карательные органы ЧК. А все-таки, как ни крути, «Двенадцать» есть пасквиль на Евангелие, на двенадцать апостолов, на самого Иисуса Христа, на революцию, да и на «Тринадцатого апостола» Маяковского, написанного за три года до блоковского опуса. Сравните апостола Владимира с апостолами Блока. Апостолы Маяковского тоже разнолюдые, но какое!

Мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, —
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!
.....
Мы —
каждый —
держим в своей пятерне
миров приводные ремни! (1: 184)

Вспомним стихи Б. Пастернака о Христе. Каковы бы ни были их речевые достоинства, они не более чем картинки, написанные по литературным источникам. Поэт в них всего лишь созерцатель. Даже когда он выступает как бы от первого лица в роли Христа – «Гамлета», он всего лишь декламирующий со сцены персонаж спектакля. Да и христианские стихи Пастернака («Доктора Живаго») не были апостольскими. Нет в «Докторе» активного протеста ни против облыжного коммунизма, ни против черносотенства. Все происходит «поверх барьеров». Михаил Булгаков много «наговорил» всякой всячины о чисто-нечистой силе, но об апостолах и их жертвенных делах – ни словечка. Что касается иностранцев, хотя бы Э. Хемингуэя или П. Пикассо, то к русским делам отношения они не имели и апостолами не были.

Кто мог в условиях назревающего всемирно-исторического переворота в России с позиций революционного и коммунистического, морально не замаранного церковью взгляда просветить толпу русских – растерянных, заблудших? Только Сам Христос или апостол Христа. Таким и был, повторю еще раз, сам себя провозгласивший апостолом поэт Владимир Маяковский. Еще в начальные годы торжества христианства многими было замечено: люди пошли с христианским знаменем, но по языческой дороге. В XIX в. само знамя стало двуцветным: наполовину христианским, наполовину языческим. Первозванные Петр и Андрей, став апостолами, к рыболовству более не возвращались. Апостол Матфей забыл про то, что был когда-то мытарем. Апостол Павел, бывший до призвания ремесленником, лишь изредка сооружал палатки – таково было его ремесло. Тринадцатый апостол решил, что, оставаясь поэтом, он наилучшим образом исполнит свою апостольскую миссию, поскольку его орудие – слово. Марина Цветаева была убеждена, что «от Державина до Маяковского (а не плохое соседство!) – поэзия – язык богов. Боги не говорят, за них говорят поэты»¹⁰. Апостольская миссия не только не мешала – углубляла поэтический дар. Но поскольку Маяковский подчинил свою поэзию апостольскому служению, иным казалось (скажем, Пастернаку), что выполняя работу «ассенизатора и водовоза», т. е. поступая именно так, как должен был поступать в предназначенных

¹⁰ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 5. С. 305.

обстоятельствах апостол, Маяковский изменял поэзии. Все обстояло как раз наоборот. Можно называть себя апостолом, но при этом палец о палец не ударить, чтобы сделать что-то для живой жизни, тогда бы это значило, что объявивший себя апостолом – самозванец. Ни Блок, ни Пастернак, ни Булгаков подлинными апостолами не стали, сколько бы молитвенных слов они ни написали о Христе. Поэтому понять Маяковского Пастернак не мог, а Блок и Булгаков и не пытались.

Апостол Петр проповедовал среди иудеев, апостол Павел – среди язычников, а тринадцатый апостол вынужден был проповедовать и действовать среди христиан. Ситуация необычная – проповедовать христианство среди христиан! Но что делать, если христиане забывали о заповедях Христа, впадали в грех язычества?! Апостол Иаков знал про себя и про других апостолов, что лишь делами вера достигает совершенства, ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва. Иоанн взывал: «Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиною»¹¹. А трудились апостолы до изнурения – ночью и днем. Иначе нельзя было апостолам – соработникам Бога.

«Апостол ли я? Свободен ли я?» – мог бы спросить себя всякий претендующий на апостольское звание. «Да, я апостол», – имел бы право сказать сохранивший верность Христу в предреволюционные годы тот, кто возымел власть над нечистыми духами – над нечистой совестью отправляющих церковную, государственную, военную или гражданскую службу, из-за которых голодали, холодали, а то и гибли простые люди. «Да, я апостол», – по праву считал себя Маяковский, потому что своими плакатами РОСТА, выступлениями перед многочисленными аудиториями, сатирическими стихами, убийственными комедиями выводил на всеобщее обозрение и судилище христоотступников. «Да, я апостол», – твердил Маяковский, не давая спуска обирающим бедноту, обогащающимся за счет неоплаченного изнурительного труда рабочих. Говорят, культуру создают обеспеченные люди, а не полунищий рабочий люд. Но что бы делали богатые без труда беднеющих крестьян и рабочих? Неужели после Христа и после Льва Толстого это надо еще доказывать самодовольным обывателям? «Да, я апостол», – гордился Маяковский, потому что своими сатирическими стихами, карикатурами, сатирическими пьесами изгонял бесов взяточничества, бесов коррупции, бесов лицемерия, бесов ханжества, бесов чиновничества, бесов номенклатурщины, бесов мещанской обывательщины. «Да, я апостол», – горячился Маяковский, потому что раздувал светлое пламя чистого Октября, и «Я свободный», ибо не остановился перед тем, чтобы осудить отступников от Октября, измену его идеалам. «Да, я апостол», – продолжал Маяковский, ибо, поняв провал Октября, *призвал к новой, третьей революции – бескровной революции духа.*

Кто из крупнейших русских поэтов, современников Маяковского, сделал – или хотя бы попытался сделать – что-нибудь подобное? Свободен ли я? Должен и в этом отдать себе отчет апостол. Все двенадцать апостолов – и более других Петр, Андрей, Иаков – и Павел заплатили за проповедь учения Иисуса жизнями своими, но никто за все время непрекращающегося мучительства не отрекся от Иисуса, доказав тем самым, что они свободны. Пожалуй, никто не пострадал от проповедников христианства так, как апостол Павел: его многократно заключали в темницу, избивали палками до полусмерти, требовали, чтобы он прекратил «свращать» народ, грозили ему смертью, если не отречется от Иисуса. Смерть его не страшила. Павел был свободным человеком. Павел был усечен мечом. Апостола Петра распяли на кресте вниз головой, его брату Андрею (который, согласно легенде по Борисфену, доплыл до холмов, на которых столетиями позже вырос стольный град Киев) царь Ирод по его возвращении на родину отрубил мечом голову. По приказу Ирода Агриппы предали мученической смерти ап. Иакова Зеведеева. Ап. Иоанн Богослов был ввержен в котел с кипящим маслом, чудесно остался живым и был сослан на остров Патмос. Ап. Фома – «неверующий» – жестоко постра-

¹¹ 1 Ин 3: 18.

дал в Индии. В Армении, в г. Алванополе, в нынешнем Дагестане, с живого ап. Варфоломея содрали кожу. В Армении, в окрестностях Арарата, был повешен и пронзен стрелами ап. Иуда Левей. Никто из апостолов не избежал гонений властей и невежественной толпы – это было испытание духа свободой. «Все они исполняли дело своего служения с необыкновенной ревностью. Затруднений и препятствий для них как бы не существовало: голод и холод, преследования, темницы, смерть – ничто не останавливало их»¹².

Не избежал участи первых апостолов и тринадцатый апостол. До революции его трижды заключали в тюрьму, последний раз на одиннадцать месяцев в одиночку Бутырок. Но юноша Маяковский остался верен апостольству. После революции его не сажали в тюрьму, не ссылали в Сибирь, но травили по приказу высшей власти, травили громгласно, «всенародно», не печатали, «низвели» в «попутчики» революции, шпионили за каждым шагом, за каждым словом, сделали жизнь невыносимой. Уже в 1920-е гг. его внесли в «расстрельный список» и откладывали исполнение приговора, ожидая подходящего времени, повода и способа «устранения»¹³. К середине 1920-х гг. Маяковский уже знал, что за ним идет охота. Сергей Эйзенштейн уговаривал поэта на время стушеваться, обезьянить свои сатирические стрелы, направленные прямо в грудь номенклатуры. Маяковский не мог отказаться от себя, от своей миссии тринадцатого апостола, как бы его поступки ни осуждали герметические поэты. *Он был свободен.* Может быть, лишь для того, чтобы сбить ищеек со следа, Маяковский время от времени писал, что он все чаще подумывает о самоубийстве. Но он всего лишь пугал самоубийством, а не стрелялся. Маяковский знал, что *апостолы не кончают жизнь самоубийством, что апостолов убивают. Это самый сильный аргумент за то, что он не стрелялся, что его убили.* Мрачней, все более замыкаясь в себе, Маяковский стоически ожидал своей участи, что не мешало ему все безоглядней, все ювеналистей бичевать «суверенный тоталитаризм». Маяковский был единственным апостолом Иисуса Христа в XX в. – единственным на всю Россию, на всю Европу и на весь христианский мир.

¹² Тальберг Н. История христианской церкви. М.; Нью-Йорк. Репринтное воспроизведение. 1991. С. 20.

¹³ См.: Горб Б. Шут у трона революции. М., 2001

Вступление второе

Собираясь рассказать о Маяковском не только как о тринадцатом апостоле, но и как о поэте, я решил рассмотреть его жизнь и творчество через призму социокультурной эволюции России с 1905 по 2005 г., ибо автор «Про это» был, может быть, единственным русским писателем, *конгениальным* российскому XX столетию, и особенно его советскому семидесятилетию. Поэт, драматург, актер, эссеист, агитатор-трибун, художник, редактор, трубадур XX века со всеми его взлетами и падениями, безобразиями и красотой, преступлениями и наказаниями (праведными, а чаще неправедными), с любовью и ненавистью, верой и безверием и в христианство, и в коммунизм.

Какими бы грандиозными ни были космические, технические и социальные события, сотрясавшие планету уже после гибели Маяковского, все они выросли, как опера из увертюры, из 1905-1930-х гг., т. е. годов активной жизни и творчества автора поэм «Тринадцатый апостол» и «Во весь голос», совпавших с годами подготовки, победы Октябрьской революции и ее контрреволюционного перерождения, которое продолжается и в наши дни. Эпоха, которую принято называть «советской, коммунистической», была на самом деле эпохой грубого, казарменного коммунизма, противостоящего личности, ее свободе. Советский «коммунизм» подчинял личность анонимному коллективу социума и государства. Одной стороной своего существования Маяковский принимал «советизм» (термин

А. Зиновьева), понимая его не как стадность, а как соборность:

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз. (б: 304)

Но другой стороной своего существа он выступал за личность, за ее творческую свободу, поскольку свободное развитие *каждого индивида* считал условием свободного развития всех. Так понимал коммунизм Маркс. И так, следом, понимал его Маяковский. Поэтому он был не только конгениальным эпохе, но и *контргениальным* ей. Пафос его поэзии и его жизни состоял в утверждении свободной личности как незыблемого устоя общества. Секрет облагораживающего воздействия Маяковского на сердца и умы современников, особенно молодых, коренился в том, что от его стихов, от него самого, такого неумного, равнодушного, «в мускулы усталые лилась строящая и бунтующая сила».

Творчество Маяковского представляется мне крупным *социологическим* феноменом – поэт методично, год за годом, строка за строкой, пьеса за пьесой ломал тоталитарную структуру бюрократического общества. Поэзия других выдающихся поэтов – Пастернака, Ахматовой – индивидуалистическая, лирическая – замыкалась на самое себя, как явление чисто эстетическое и герметическое. Она едва касалась социологических проблем жизни общества, что, казалось бы, и должно быть свойственно поэзии христианской. Маяковский, начинавший как сотворец поэзии Серебряного века, не избежал присущего ей христопоклонства, но у него, с отрочества впитавшего в себя идеи «Коммунистического манифеста», выработалось свое, неординарное отношение к Иисусу Христу и его учению. Уже плененный идеями Маркса, юноша Маяковский почувствовал себя тринадцатым апостолом Иисуса Христа задолго до того, как написал поэму «Тринадцатый апостол». Освоив Евангелие и Ветхий Завет, Маяковский увидел, что заповеди Нагорной проповеди и пророчества Исаии, Иеремии, Даниила, Захарии, Иоиля предвосхищают идеи «Манифеста». А Христос, как убедился поэт, был первым рево-

люционером и первым коммунистом, не противопоставляющим личное общему. Спаситель учил о внесоциальной, внесударственной сущности человека. Об этом учил и Маркс. Проповедь Иисуса была обращена к индивиду, взывала к его свободному самостоянию, исполненному морального достоинства, и только через индивида Христос обращался к народу. Маяковский понял, что быть апостолом Первого революционера и Первого коммуниста Иисуса Христа необходимо, чтобы быть проповедником Последнего революционера и Последнего коммуниста – Карла Маркса. Но, увы! Советская Россия возникла как государство воинствующих безбожников. Ленин был гонителем религии, преследовал богостроителей и богоискателей в собственной партии. А «легальные марксисты» – П. Струве, С. Булгаков, Н. Бердяев, М. Туган-Барановский, С. Франк были первыми социал-демократами России, воспитанными на идеях Маркса, задолго до Ленина. П. Струве – организатор первого съезда РСДРП в 1898 г. в Минске, сочетавший учение Маркса с учением Христа, по велению Ленина был изгнан из России, как и другие «легальные марксисты» и либеральные профессора, никакого отношения к политике не имевшие. И это несмотря на то, что задолго до «легальных марксистов» Маркс обратил внимание на сходство своего целеполагания с целеполаганием самого Господа: «новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим»¹⁴. Маркс согласен был с положениями учения Христа о несправедности богатства богатых и о защите «труждающихся и обремененных». Так же думал и Лев Толстой. Большевики предпочли не замечать в писателе, названном Лениным «зеркалом русской революции», мысли «о новой земле и новых небесах». «Легальных» выслали. Но в России остался исповедующий Христа и Маркса толстовец Маяковский, убежденный в близости учений обоих. Писать о Маяковском, игнорируя то, что он был самопровозглашенным тринадцатым апостолом, – значит, писать не о нем, а о каком-то внешне похожем на него выдуманном персонаже. Но именно так о нем и писали, нанося ущерб представлениям о целостности личности поэта. Я порываю с этой трусливой традицией. Алексис де Токвиль заметил, что нерелигиозных революций не бывает. И атеистическая, антицерковная, антихристианская Октябрьская революция по установленным ею порядкам была на деле православной в самом строгом протопопо-аввакумовском смысле слова. Ленин полагал, что советское общество будет подобно «чаплинскому» конвейеру («Огни большого города»). А бывший семинарист и слушатель Духовной академии превратил советское общество во все-советский монастырь, где каждый должен был трудиться, поститься, каяться и молиться своему Господу, единому в трех лицах (иконам Маркса, Ленина и Сталина), и многочисленным святым – надсмотрщикам, отвечающим за соблюдение монастырского устава каждым иноком, вылавливающим грешников и жестоко наказывающим их. Маяковский – тринадцатый апостол – пришел в этот монастырь со своим уставом. Его долго терпели, потому что все-таки апостол, к тому же что-то из монастырского устава, не разобравшись, усвоивший. А может быть, он повинится, раскается и примет устав нашего монастыря. Ожидания были напрасны. Поэт повел себя как Мцыри. Не мог бежать из монастыря, но устав его отверг.

Есть еще одна веская причина, почему я выбрал Маяковского в качестве протагониста своего повествования. Я хочу рассказать о России как о рассыпающейся империи, оказавшейся неспособной удержать в своем составе Украину и Кавказ, фланкирующие Россию с Запада и с Востока. А Маяковский был кровно связан и с одной, и с другим, ибо был по происхождению украинец, а по рождению грузин. В его поэзии и личной судьбе переплелись неравноправные отношения метрополии (России) к этим двум союзным республикам (фактически – колониям). Русский поэт душой болел не только за Россию, но и за Украину, и за Кавказ.

Через хаотичный период российской социокультурной эволюции и краткий абортированный прорыв России в Историю (который был бы немыслим без Кавказа и Украины) я попытаюсь объяснить перепады в творчестве Маяковского как поэта.

¹⁴ Ис 66: 22.

Модусы анализа материала и стилистика разделов будут различны в деталях, но останутся в русле методологии *историософии проектизма*¹⁵.

Мы живем в эпоху медленного, постепенного исчезновения обособленных наций и обособленных государств. Иначе этот процесс, а не какой-либо другой (американизацию, например) следует называть глобализацией. Он вызвал противонаправленное движение бывших колоний и зависимых стран к обретению национальной независимости и собственной государственности¹⁶. Судьбу мира решит противоборство этих двух взаимоотрицающих тенденций. Свое место в этом противостоянии Маяковский выразил краткой формулой:

Нации сети.
Мир мал.
Ширься, Третий
Интернационал! (2: 43)

Да, сети следует распутывать, распускать, выбираться из них на простор мировой жизни. Лишь бы каждый индивид каждого народа, каждого этноса и каждого племени выявил все заложенные в нем возможности личностного становления и самостояния. Как и во всем другом, позиция Маяковского была двуликой, соответствующей двуликости российской социокультуры, к которой он принадлежал. Он был «националистом», разделяя со своими нациями согласие всех относящихся к ним *consensus omnium* во всех решающих вопросах, но одновременно и интернационалистом, гражданином мира. Поэтому-то Маяковский мог сказать, обращаясь к недавним врагам России, потерпевшим поражение в Первой мировой войне:

Я давно с себя
лохмотья наций скинул.
Нищая Германия,
позволь
мне,
как немцу,
как собственному сыну,
за тебя твою распеснить боль. (4: 50)

Мне остается добавить, что я буду перемежать разбор произведений и проблем творчества Маяковского краткими вторжениями в его биографию.

С хронологией я буду обращаться произвольно.

¹⁵ См.: Кантор К.М. Двойная спираль истории. Историософия проектизма.

¹⁶ Национальные и многонациональные государства не всегда существовали. В социокультурной эволюции нации возникают на сравнительно низкой ее ступени. Многообразие природных условий привело к многообразию этносов, народностей, наций, к многообразию национальных языков и их этнических дериватов. В жизненном процессе происходило смешение наций или их разделение, что доказало: неизменность наций и этносов не абсолютна. Те нации, которые достигли апогея национального развития (если брать только Западную Европу) в XIX в., почитались наиболее устойчивыми. А как было на самом деле? И.Г. Гердер, исследователь становления наций и национальных государств, показал, что все великие нации Западной Европы есть результат многотысячелетнего смешения множества племен, этносов и наций. То же самое справедливо и по отношению к России и ко всем бывшим национальным республикам СССР.

Раздел первый

Большие и маленькие трагедии

*Мы солнца приколем любимым на платье,
из звезд накуем серебрящихся брошек...*
В. Маяковский

Часть первая

Истоки гения

Далеко не все апостолы Иисуса Христа были гениальны. Да этого от них и не требовалось. Тринадцатый – был. Можно считать это его недостатком или достоинством, но это было так. Гениальность не атрибут апостольства, а поэтический дар Маяковского был гениальным, что не мешало ему следовать своему апостольскому предназначению, но, напротив, помогало. Истоки гения, как и любого человека, двояки: духовно-небесные и обыденные, социокультурно-земные, соответствующие двойственной природе потомков Адама и Евы. Гений, в отличие от негениев, стремится перекрыть, «задраить» или преобразовать истоки профанные и распахнуть свою душу свету божественно-звездному. Мы теперь знаем, что электрон так же неисчерпаем, как атом. А человек? Как живое существо он также неисчерпаем, он бесконечен в своей человеческой сложности. Вся его постнатальная жизнь есть путь к обнаружению, выявлению, раскрытию всех тех неисчислимых духовно-витальных энергий, какие были запечатлены в нем с момента зачатия. Только что рожденный долго не понимает себя, не понимает, кто он. Малыши часто задают родителям один и тот же вопрос, на который мамы не в состоянии ответить: «Где я был, когда меня не было?» Думают, что до зачатия младенца нигде не было. А он был, был как духовный замысел, как проект Господа, как это объяснил Саваоф сомневавшемуся в своем призвании пророку Иеремии. Как непредсказуемо, внезапно, скачкообразно человек приходит к сознанию и самосознанию, испытывая природные и социокультурные влияния, какие-то усваивая, какие-то отторгая или трансформируя, так человек приходит к самопознанию и самочувствованию своей уникальности и общей со всеми другими индивидами микрокосмичности. Гений – микрокосмос, вспыхивающий, как звезда, тогда как негениальные индивиды (тоже микрокосмосы) могут прожить долгую жизнь, так никогда и не превратившись в звезду. В гении обострена его микрокосмичность. Поэтому он на «ты» со звездами. «Мы желаем звездам “тыкать”», – говаривал Велимир Хлебников. Гении – редкость среди людей. Они нарушают привычное течение жизни. И хотя они служат людям, мало кто из них удостоивается внимания и «низов», и «верхов» при жизни. «Они любить умеют только мертвых», – корил своих подданных царь Борис, выражая мысль Пушкина. Жизнь гения – тяжелое испытание, иногда подвиг, завершающийся почти неизбежно поражением. Гений одинок по определению. Одинок космически. Никакой «традиции одиночества» нет и быть не может. Не существует никакого особого «одиночества Маяковского». Оно точно такое же, как апостола Павла, пророка Иеремии, брошенного на верную мучительную смерть своими соотечественниками, как одиночество Пушкина и Лермонтова. Оно мало общего имеет с одиночеством «потерянного поколения» Хемингуэя или Ремарка – одиночеством блуждающих звезд всех потерянных поколений начиная с пророка и законодателя Моисея. Евреи, выведенные из Египта Моисеем, были, правда, для Египта потерянным поколением, но не для себя самих. Сорок лет скитаясь в полубеспамятстве по пустыне, они были не скопищем одиноких, а, скорее, одинокой толпой, ведомой почти затерявшимся в ней единственным одиноким – Пророком. Одинокие толпы можно

наблюдать в современном городе (как это показал в одноименной картине Максим Кантор), но это не одиночество индивида.

Параграф первый Мольба о звездах

Маяковский любил Божественные небеса, где одесную Господа восседает Иисус, и одновременно рвался в пространства Лобачевского и Эйнштейна. Ему нравилось играть с небесными светилами: Солнцем, Луной, звездами, кометами, но чаще всего со звездами. Он улавливал их темными и светлыми метафорами: то ночь «обложила небо звездной данью», то «небо опять иудит пригоршню обрызганных предательством звезд», то поэту кажется, что, возвращаясь после безракетного полета из Занебесья в Небеса, он лениво вычесывает запутавшееся в волосы «звездное репье», то над ним прочертила параболу «звезда Вифлеема», то он видит «звезды небес в карауле» у гроба Ленина. И уже без метафор с благоговением верующего вызывает к небесным светильникам. А рядом с ним кто-то – кто-то другой. Кто этот «кто-то»? Полагаю, Лермонтов. Говорят, Маяковский, прогуливаясь по пустынной проселочной тропе, твердил про себя лермонтовское:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

«Выхожу один я на дорогу.», 1841

А на людях шутил: «Одному гулять, видите ли, скучно». Но тут же, как свои, повторял лермонтовские строки:

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

«Небо и звезды», 1831

В дерзновенной зависти – провидение своего звездного будущего. А та другая звезда, с которой он разговаривает, – не звезда ли это Маяковского? Автор «Послушайте!» однажды пошутил: «Если б я поэтом не был, я бы стал бы звездочетом». Звездочетом все-таки не стал, а стал еще одной сверкающей звездой. В земной жизни Маяковского беспокоило звездное настоящее людей:

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,

боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку! (1: 60)

Маяковский страдал от этой болезни – «беззвездной муки». А Кант посмеялся бы над этим недугом поэтической фантазии. Учивший о непознаваемой «вещи в себе», кенигсбергский профессор твердо знал, что звезды были, есть и будут в любую земную непогоду, потому что он был не поэт, а философ: «Две вещи наполняют душу всегда новым и тем более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования»¹⁷.

Звездный ковер, вытканый Богом из бессмертных душ, оберегает людей от бездны небытия. Становясь звездами, поэты беседуют друг с другом, какие бы расстояния их ни разделяли. Поэты ведают, что это Господь зажигает и гасит звезды, а вдруг... не зажжет? Когда же наконец «в свой срок» Бог зажигает звезду, человек

ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?! (1:60, 61)

Маяковскому это было необходимо во все дни его жизни, вплоть до последнего вздоха. Таковы были духовно-звездные истоки его гения. Но были и земные. Как бы благодатна ни была молитва поэта о звездах и мысленное пребывание в эмпиреях духа, Маяковскому как тринадцатому апостолу следовало опуститься на самое дно человеческого прозябания, углубиться в дремучие политические и экономические дебри, чтобы исполнить свое апостольское предназначение. Отроком, затем юношей он бросился с головой в омут народной борьбы против самодержавия и его опричников, бросал камни в казаков, теснивших грузинских инсургентов, под псевдонимом «товарищ Константин» вел марксистский кружок среди булочников, принимал участие в освобождении политзаключенных – женщин из Невинской тюрьмы. Трижды был арестован.

¹⁷ Кант И. Соч. М., 1997. Т. 3. С. 729.

Его «университетами» стала одиночка Бутырской тюрьмы, где он протомился почти год. В камере – разрешали! – читал запоем русскую классическую и современную поэзию. Писал подражательные стихи а la Андрей Белый, а хотел про свое и своими словами, своими ритмами и рифмами. Не получалось.

Параграф второй «На дне»

Дело происходило не «на дне» Максима Горького, а несколькими провалами ниже. Владимир Владимирович почувствовал тягу к поэтическому преодолению мерзостей жизни. Когда он выходил из Бутырок, была ночь. И об этом его первые стихи, прочитанные Давиду Бурлюку:

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа – пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жезл, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая. (1: 33)

На футуристические реминисценции этого опуса неоднократно обращали внимание. Не смущаясь полуплагиадом, я повторяюсь, поскольку чрезмерная зашифрованность текста нуждается в этом. В смятенном впечатлении от шулерской ночи и ломящейся в двери толпы – сгусток живописно-словесных новаций футуризма. Расшифровка метафор этого стихотворения предлагалась неоднократно. Я считаю необходимым напомнить ее, ибо она дает представление о том «дне жизни», где оказался поэт, о контрасте между уже сформировавшейся незаурядной личностью и обитателями дна, не того дна, которое живописал Горький, но все-таки «дна». «Багровый и белый отброшен и скомкан» – это, конечно, ночь, сменившая день. «А черным ладоням сбежавшихся окон раздали горящие желтые карты» – окна. Они похожи на черные ладони, до того как в комнатах зажигают свет. Но почему ассоциации с горящими желтыми картами? Поэт думает образами, а картежник – картами. А поэт Маяковский был еще и заядлым картежником. Но как подсвеченная как бы софитами тьма, окутавшая здание, превращается в синие тоги? А что это за толпа, как кошка, проникающая за синие тоги в свой вертеп? Ведь это картежники, шулера, проститутки. «Я, чувствуя платья зовущие лапы, в глаза им улыбку протиснул». А что еще мог желать увидеть и пережить в городе здоровенный детина?

Хотя он говорит без угрызений совести и с гадливостью о пестрошерстой кошке толпы, он сам затесался в нее. Протрезвевшему к утру поэту сделался больней «враждующий букет бульварных проституток», и жутко и отрадно было взглянуть, как гроба домов публичных «восток бросал в одну пылающую вазу» («Утро», 1: 35). Но все те же видения не покидали его и в порту, куда он забрел, шатаясь по городу.

В. Маяковский. 1912 г.

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были.

Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы – как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей. (1: 36)

Вот оно, маяковское: очеловечение мертвой вещи. Из него позже вырастет посвящение «Товарищу Нетте – пароходу и человеку». А следующим был кинжальный по языку, по содержанию философский пируэт поэта.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб? (1: 40)

Как изобретательна человеческая фантазия! Все может, если она маяковская. А поэт хочет еще – не сходя с места – волшебным образом преобразить развращенный город, свою утлую комнату и свой сырой завтрак, и притом без помощи золотой рыбки. Вот, удалось! Чешуя жестяной рыбы стала заманивать его зовами новых губ, а водосточные трубы, как флейты, играли ему мелодии струйками дождя. И опять перед нами одухотворение натюрморта. Буддист не наступит на малую травинку, потому что она живая. Для Маяковского, не столько как для буддиста, а как для тринадцатого апостола, весь мир живой – и камни, и скалы, и море, и звезды, и растения, и животные, и все вещи, созданные человеком – и станки, и мосты, трамваи и пароходы, дома и города. В «искусственном» не меньше жизни, чем в «естественном». Молния в утюге живая, как и в небе. И утюг – живой. Все, все живет и дышит, взаимопревращается. Не терпит поэт мертвечины. И обожает всяческую жизнь. Поэтому ему хотелось бы вовлечь в причуды своей фантазии и читателя: «А вы nocturn сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Пройдет немного времени, и поэт сам сыграет на флейте, но то будет флейта не водосточной трубы, а его собственного позвоночника.

Параграф третий Трагедия «Владимир Маяковский»

Цикл стихотворений 1913 г. «Я» завершается строфами, подготовившими осознание Маяковским себя как поэта-избранника, сопричастного Христу, болезненно переживающего свое превращение в пророка, апостола и молящего Солнце и самое Время завершить предначертанную ему метаморфозу:

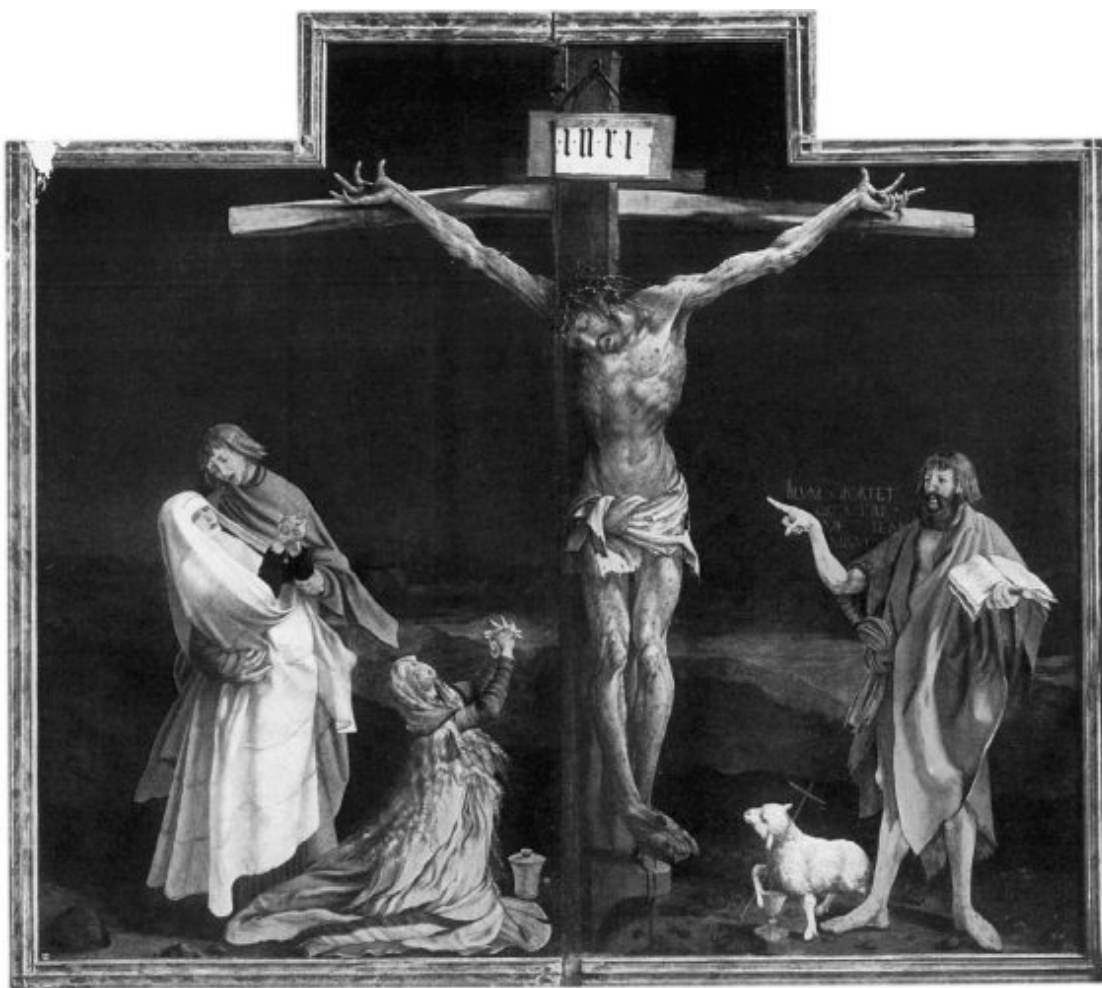
Я вижу, Христос из иконы бежал,

хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов иступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!» (1: 48, 49)

После этого экзистенциального иступления, как его нарастание и завершение, после «Я» поэзия Маяковского взрывается трагедией, раскрывающей, что «Я» – это не кто иной, как сам «Владимир Маяковский», трагедией, где поэт впервые, еще до «Облака в штанах», выступает как пророк, как тринадцатый апостол.

Трагедия «Владимир Маяковский» – определение всего творчества Маяковского, текущего и того, которое последует. Это, если угодно, и проекты его магистральных поэм: в шифре ее метафор содержатся и «Облако в штанах», и «Флейта-позвоночник», и «Война и мир», и «Человек», и «Про это», и «Во весь голос».

Маяковскому необходим диалог с самим собой – бесконечная само-рефлексия. Она реализуется в диалоге с фантомами его сознания – тысячелетним стариком с черными и сухими кошками, человеком без глаза и ноги, человеком без уха, человеком без головы, человеком с растянутым лицом, человеком с двумя поцелуями, обыкновенным молодым человеком, женщиной со слезой, женщиной со слезинкой, женщиной со слезищей и громадной, молчащей знакомой Владимира Маяковского. Все они выступают как самостоятельные действующие лица трагедии. Они исполняют свои самостоятельные роли, произносят монологи, вступают в общение с поэтом, осаждают его своими просьбами, спорят. Это не маски греческого театра. Они одномерны, однолинейны и даже точечны. Каждая роль – фантом, олицетворение какой-то одной беды, горя, тревоги, страдания, бессилия, беспросветности существования. Они материализуются актерским исполнением. Однако все они не более чем проекция в сценическое пространство фантомов сознания самого поэта Владимира Маяковского. Внешнее и внутреннее взаимопревращаются. Поэт ведет диалог с самим собой. Место действия трагедии – современный город в паутине улиц, шумный, скучный и страдающий город, в котором вещи подчинили себе людей.

Маттиас Грюневальд. Распятие. 1510–1515 гг. Центральная часть Изенгеймского алтаря

Люди несчастны, они нищие, и души у них – рабские. Не все мирятся со своим положением безмолвных рабов, пленников вещей, пленников адища города. К ним-то и обращается поэт, обещая им духовное раскрепощение, обновление их судьбы, если они придут к нему. Но кто он такой, что ему дано преобразовать жизнь людей? Теологический статус поэта неопределен – он то ли истинный Христос, сменивший в божнице церковного уродца века, то ли апостол Спасителя. Он обращается к рабам, угнетенным и бедствующим с тем же по смыслу призывом, что и Христос, но иными словами. Сын Человеческий говорил: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»¹⁸. У Маяковского Христово «приглашение к надежде» получает другое оформление:

Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто был
оттого, что петли полдней туги, —
я вам открою
словами
простыми, как мычанье,

¹⁸ Мф 11: 28–30.

наши новые души,
гудящие,
как фонарные дуги.
Я вам только головы пальцами трону,
и у вас
вырастут губы
для огромных поцелуев
и язык,
родной всем народам. (1: 154)

Да, поистине деяние это равно деянию апостола – вытрясти из людей рабские души и вдохнуть в них души свободные. Ведь ради этого прежде всего и явился Христос. И деяния Его повторяли апостолы. Чтобы одарить обезлюбленный мир способностью любить и разрушать языковые преграды между людьми, Его ученикам нужно было получить от Сына Человеческого власть над нечистыми духами, дар изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. Скорее всего, в трагедии «Владимир Маяковский» у поэта пробудился дар того самого тринадцатого апостола, именем которого он назовет свою программную поэму. Об этом свидетельствуют бунтарские настроения поэта, каких нет в Евангелии. Первое действие трагедии начинается праздником нищих, похожим на праздник нищих Роберта Бернса:

Граненых строчек босой алмазник,
взметя перины в чужих жилищах,
зажгу сегодня всемирный праздник
таких богатых и пестрых нищих.

Зажег! Веселье клокочет. А каково при этом самому алмазнику? Он веселится со всеми, смеется. Пробуждающийся в нем фантом – *тысячелетний старик* – видит в поэте распятие его раздвоенного самосознания:

И вижу – в тебе на кресте из смеха

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.